

Андрей Буторин

Воплоэны.
Одно сердце для двоих

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б93

Буторин А.

Б93 Воплоэны. Одно сердце для двоих / Андрей Буторин. – М.: Литнет, 2026. – 308 с.

ISBN 978-5-521-93905-3

Прямо из гримерки родного театра меня утащили в другой мир, чтобы сделать кандидаткой в невесты... даже не короля, а всего лишь того, кто мечтает им стать. Что ж, сыграю эту роль, устрою такой спектакль, что всем тошно сделается! Правда, жених уж больно хорош, как бы и впрямь не влюбиться. Ох, а тут еще этот, на белом коне!.. Злющий, у меня аж колени трясутся. Или они от иного трясутся? Вот тебе и спектакль – «Третий лишний». Как бы только узнать, кто же именно?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93905-3

© Литнет, 2026

© Буторин А., 2026

Глава 1

– Любовь мое пронзила сердце... Но сердце у меня одно – пронзенное, оно любить не сможет!.. И жить я больше не смогу...

Я высказала эти слова со всей искренностью, на которую была способна. А способности у меня точно имелись – иначе не давали бы главные роли. И пусть театр провинциальный, зато один на всю область. Режиссер у нас правда... хм-м... Нет, он хороший и даже талантливый, но его порой заносит – начинает считать себя гением. Ставил бы известные пьесы, ту же проверенную годами классику, так ему, видите ли, сам Шекспир тесен. Недаром фамилия у режиссера Широков. Вот и теперь мы играли спектакль «Пронзенное сердце» по написанной лично им пьесе.

Что мне в этом «Сердце» нравилось – декорации и костюмы. Время действия – век семнадцатый-восемнадцатый, поэтому на заднике красовалось золотисто-белое здание, похожее на дворец в Павловске – с него, наверное, и срисовывали; а на актерах – на нас, в смысле – бархатные плащи, фраки, сюртуки, мундиры из темно-зеленого сукна, брюки с лампасами, бриджи до колен, треугольные шляпы, ботфорты... Это на мужчинах. А на женщинах – шикарные платья с длинными откидными рукавами и шлейфами, в руках веера, на головах диадемы из шелка, расшитые золотыми и серебряными нитями, усыпанные блестяшками, призванными изображать бриллианты.

Мою голову украшала лишь ниточка жемчуга, превосходно подчеркивающая красоту шелковистых черных волос, спадающих волнами ниже плеч на ворот светло-синего платья, разрез которого, идущий к низу от талии, открывал атласную юбку белого цвета. Украшало платье и золотое шитье, как без этого! Красавишна, в общем. Королевишна! Хотя играла все-таки не царевну-королевну, а княжну Анелі – это Широков придумал, изначально ведь роль писал под меня. А раз уж я в миру Анна – вот тебе и для сцены имя созвучное.

У меня вообще имя с фамилией почти классические – Анна Куренина. Или обкуриться, или под поезд кинуться. Но я не из таких. Меня трудности только сильнее делают, сказывается детдомовская закалка. Совсем крохой меня подбросили к дому малютки – в корзинке, прям как в книжках. Курениной же я стала не потому, что лежала в этой корзине с папиросой во рту, а по фамилии нянечки, которая меня нашла. Имя же я сама сказала. Ну, как сказала... В полгода, или сколько мне там было, особо не наговоришь, но как потом рассказывали, я так плакала, короткими придыханиями: «Ан... ан... ан... а-аан!»

После дома малютки – детдом, где мои театральные задатки, кстати, отметили – лишь только какая проверка нагрянет, так меня сразу на сцену, гостей развлекать. И все оставались довольными. Не раз от этих проверяющих слышала: «Этой бы девочке в театральный, да только...» В общем, это «только» за каким-то лешим привело меня в технический колледж, после которого, правда, ни дня по специальности не отработала, потому что играла в студенческой кавээнзовской команде, и где-то как-то умудрилась попасть на глаза Широкову. Он сграбастал меня с клубной сцены чуть ли не во время выступления и перетащил на сцену театральную. Еще и на актерские курсы отправил. Спасибо ему, в общем. Говорю же, хороший дядька, хоть его и заносит. С другой стороны, не заносило бы – может, мы его и знать не знали, покорял бы столичные сцены. Все что ни делается – к лучшему, правильно говорят.

И вот сказала я, задумчиво и трепетно, что жить так больше не могу – а было это уже в конце второго акта, – и бросив взгляд в зрительный зал увидела стоявшего в проходе у самой двери мужчину. Ух ты, вот это был кадр! Невысокий и худощавый, в длинном черном плаще несмотря на теплый летний вечер, одним только взглядом заставил поверить, что на самом деле он высокий, могучий и вообще суперкрутой. Взгляд у дядьки был – что надо! Его бы

к нам в труппу, играть злодеев и коварных любовников. Может, потому он там и торчит, что дожидается окончания спектакля, чтобы встретиться с Широковым? Кто его знает. Вот только смотрел он все время на меня. Пристально, неотрывно, не мигая. Меня это стало напрягать, даже один раз сбилась, вместо «пронзили взглядом, так пронзите шпагой», я сказала: «Пронзили взглядом, так придите шагом». И мужик этот сразу ушел, словно разочаровался во мне за ошибку. Или же понял ее буквально, но сделал наоборот.

Непонятно как, но этот глазастый черт, который и впрямь пронзил взглядом почти реально, аж лопатка зачесалась, выбил меня из сценического состояния, и я с трудом доиграла спектакль. Доползла до гримерки, а там уже Сашуля сидит, дожидается. Александра, рыжее солнышко, моя лучшая подруга, и нас так часто привыкли видеть вместе, что ее пускают в служебную часть театра, считая за свою. Мы даже внешне похожи, особенно фигурами – среднего роста и телосложения, – так что если бы не разный цвет волос, то наверное, и путали бы.

Только я зашла, она тут же вскочила и набросилась на меня, как львица на лань:

– Ты видела?! Ты видела того Калиостро в черном?! Я думала, он тебя глазами съест!

– Положим, до Калиостро ему далеко... – попыталась возразить я, но Сашуля не позволила.

– А до кого близко?! – завопила она, широко распахнув красивые серо-голубые глаза. – Ты че, не просекла, что он за тобой приходил? Это ж бандюган, он на тебя глаз положил, решил своей шмарой сделать!

– Ну ты и нахваталась словечек, – поморщилась я. – И по-моему, ты Калиостро с Корлеоне перепутала, не?

– Ладно тебе придирааться! Корлеоне, Аль Капоне – главное, бандюган.

– Саш, сейчас не девяностые.

– И что, организованная преступность побеждена?

– Слушай, я устала, – опустила я в кресло, – а ты, прости меня, несешь какую-то чушь.

– Чушь?! – вскинулась подруга. – Вот подожди, постучат в твою дверь и скажут...

И тут раздался стук в дверь! Мы с Александрой обе подпрыгнули – она стоя, я сидя. Глаза подруги сделались размером с блюдца.

– Н-не-е открыва-ай... – заблеяла она испуганной овечкой.

– Это Широков, – сказала я без особой уверенности. – Он после спектакля всегда заходит.

– Посмотреть, как ты переодеваешься? – на время забыла, что нужно бояться, Сашуля. Обычно она серьезно воспринимает действительность, но сейчас улыбнулась – и в глазах заиграла хитринка.

– Что у тебя на уме?! – встала я и направилась к двери. – Он режиссер! И он высказывает свое мнение о моей игре, делает замеча...

Я открыла дверь и замерла с открытым ртом. Там стоял Калиостро. В смысле, Корлеоне... Короче, за дверью стоял тот самый мужчина в черном, что пронзил меня взглядом в конце второго акта. У меня опять зачесалась лопатка.

– Здрасьте, – нервно сглотнула я, но быстро взяла себя в руки. – Что вам нужно, сударь?

Не знаю уж, почему именно «сударь» – наверное, из роли до конца не вышла. Но во всяком случае я этого Аль Капоне ничуть не боялась. Я уже говорила, что выросла в детдоме, так что один на один с мужиком такой комплекции справлюсь как нечего делать. Платье, правда, снять не успела – длинное, зараза, туфлей в глаз бить затруднительно. Ну да ладно, до чего-нибудь пониже и не менее болезненного точно дотянемся. Потом тенором будет – жаль, у нас театр не оперный.

– Разрешите войти, – сказал будущий тенор и не дожидаясь ответа шагнул в гримерку. В мою! Гримерку! Без приглашения! Вот гад! Кстати, как его вообще на служебную половину впустили?..

А вид у этого гада был такой невозмутимый, даже чуть высокомерный, будто это он оказал честь, посетив мою творческую келью. Увидев Александру, взмахнул пальцами:

– Оставьте нас.

И – вот это вообще уже чертовщина! – Сашуля безропотно вышла из гримерки. Может, напрасно я сказала, что до Калиостро ему далеко? Как бы не оказалось, что это он и есть.

В общем, в голову опять полезли дурацкие мысли, но у меня там, в черепушке, на такой случай припасена поганая метла, которой я этот мусор и вымела. Вновь стала сама собой и вернулась в кресло. А Капоне пусть постоит, нечего из себя крутого строить. Был крутой – будет всмятку.

– Чего надо? – спросила я уже более конкретно.

– Нам понравилась ваша игра, идеальное перевоплощение, – сказал Калиостро. Не, на Калиостро он уже не тянул, пелена с моих глаз спала. Обычный мужик в плаще. Не удивлюсь, если сейчас распахнет его и... Не распахнул. Добавил почти равнодушно: – И мы бы хотели пригласить вас к нам.

– К каким еще вам? – брякнула я, поскольку он опять умудрился раздербанить мои мысли. Это что, столичный вербовщик за мной пожаловал?.. Ну, пусть не столичный, пусть, скажем, э-э...

– В наш коллектив, – не дал Капоне моим мыслям далеко разбежаться. – Вы нам подходите.

– Но... – вякнула я.

– Вот договор. – Я не успела заметить, откуда он его выудил, но уже протягивал лист слегка желтоватого, как будто от старости цвета, где от руки было много и мелко чего-то написано. – Прочтите, там все подробно сказано.

Я машинально взяла этот лист, хотя поняла уже, что мужик – поехавший крышей. Возомнил себя владельцем театра – судя по составленной бумаге «договора» и рукописному тексту, какого-то средневекового... И вот – набирает актеров. Кого бы правильнее вызвать:

полицию или медиков? Хотя в подобных случаях не помешают и те, и другие. Я, делая вид, что читаю «договор», как бы между прочим протянула свободную руку к лежащему на столике телефону...

– Не надо, – сказал псих. – Не отвлекайтесь. Читайте внимательно, чтобы не было лишних вопросов.

Ну ладно, подумала я, прочитаю. Может, ты за это время потеряешь бдительность, и тогда я тебя...

– Вижу, вы никак не можете сосредоточиться, – нахмурился непростенный гость. – В таком случае читайте вслух, это не позволит отвлекаться.

Во нахал! Вслух ему читай! А песенку не спеть? А сиюю не дать?.. Не, сиюю не дам. Почитать, так уж и быть, читаю. Блаженных ублажать полагается, пардон за тавтологию.

Я устала в текст договора, написанный красивым, с завитками и прочими финтифлюшками почерком, и машинально стала читать, не вдаваясь в суть того, что именно декламирую. У меня всегда так: читаю молча – все понятно, читаю вслух – весь смысл вместе с голосом вылетает. Сейчас и вовсе что-то пошло не так... Голова вдруг закружилась, перед глазами поплыл туман. Разволновалась, что ли? Еще не ясно, стоит ли. Не грохнуться в обморок – вот что было важным. К счастью, длилось это недолго. Расплывшиеся, пляшущие строчки уже снова встали на место. А вместе с ними до меня дошел наконец и смысл того, что я последним прочитала. Точнее, бессмыслица, потому что там было написано: «Гердериум тохус антакаракт».

– Что еще за антакаракт? – швырнула я «договор» в лицо сумасшедшему. – А не пошел бы ты в тохус?!

– Не надо в тохус! – испугался вдруг тот. – Так нельзя, неправильно. Перечитайте последнюю фразу еще ра...

Договорить он не успел. Не, может, и успел, но где-то там. То есть я даже знала где – в моей театральной гримерке. Вот только меня там уже не было.

Я сидела на дне глубокого глинистого оврага, по дну которого тек мутный ручеек. В этом ручейке я и сидела. В своем шикарном синем платье с атласной юбкой. Еще совсем недавно белой.

Смешно, но я совсем не испугалась. То ли мозг счел происходящее сном, то ли вообще решил самоустраниться от анализа подобной пурги. Зато я очень сильно разозлилась. Вскочила на ноги, поскользнулась на долбаной глине, снова шмякнулась, добавив разнообразия в цвета моего наряда, опять встала, надежно расставив ноги, и заорала:

– Эй, ты, дебил грохнутый! Иди сюда, договор читаем! А потом ты его жрать будешь, чтоб врагам не достался!

Я как бы уже понимала, что ору зря, что дебил на самом деле остался в гримерке, но мне нужно было на ком-то выплеснуть злость. И надо же, меня этот кто-то услышал. В смысле, не тот, который там, а совсем другой, который подъехал на белом коне. Ну конечно, чтобы ко мне – да не на белом! Я бы с таким и говорить не стала. Не, все равно стала бы, мне очень хотелось узнать, почему я барахтаюсь в глине вместо того, чтобы переодеться и поехать домой. Не на коне, на моем стареньком верном «меганчике». И даже не на белом – на синем. Между прочим, один-ноль в мою пользу: синих коней не бывает. Ну да ладно, это просто у меня в голове опять началась кутерьма из-за белой лошади. А скорее, из-за ее всадника, одетого, как наши актеры из «Пронзенного сердца»: ботфорты, бархатный плащ свекольного цвета, вот только на голове не треуголка, а широкополая шляпа, похожая на мушкетерскую, только без перьев. Синяя, как любимый «Меган» и платье, чем сразу заслужила мое расположение. Впрочем, ее хозяин, хоть и не был синим – в этом и ему, и мне, считаю, повезло, – впечатление производил еще круче. Длинные темные брови, сведенные у переносицы прямого, тонко очерченного носа, темные же, не густые, но чертовски привлекательные усы и короткая борода... А самое главное – глаза. Мне не виден был их цвет, но казалось, что они сами светятся из-под

сдвинутых бровей. Правда, свет был не особенно добрым. Ах, да! На вид моему брутальному спасителю было чуть больше тридцати. Очень хороший возраст!

А вот спасителем я его назвать поспешила...

– Ты кто? – надменно, если не брезгливо, выкрикнул всадник. – Служанка его подвельчества?

– Его под кого?.. – переспросила я.

– Его подвельчества гилена Вилеона, – теперь уже пафосно выдал хрен на коне. И снова скривился: – А ты не беглянка?

– Побегаеть тут, – буркнула я, опять едва не поскользнувшись. Вновь разозлилась и стала настоящей собой – сильной и гордой.

– Сам-то не из цирка сбежал? Или если шляпу надел, можно порядочных дам оскорблять?

– А где тут у нас порядочные дамы? – повел туда-сюда головой брутальный хрен.

– Вот кого здесь точно нет, – сказала я, – так это порядочных кавалеров. Мог бы ради приличия сначала выбраться помочь.

– А потом? – усмехнулся этот, в «мегановской» шляпе.

– Чего потом?

– Вот и я спрашиваю: потом-то что?.. Сначала я помогаю укравшей хозяйское платье замарашке, а чем она потом мне за это отплатит? Платьем? Слишком грязное. Собой? Еще не чище. И думаю, во всех смыслах.

– Ну ты, думатель, – взъерилась я, – скажи думать в другое место! Я знаю одно, там о-очень хорошо думается! Подсказать?

– Как ты себе позволяешь так со мной разговаривать?! – взъерился в ответ и мой собеседник. – Да ты хоть знаешь, кто я такой?!

– Знаю, – ответила я. – Неотесанный хрен на белой лошади. Скажи давай, не зли меня еще больше!

– А ведь я могу и сдать тебя, куда следует, – процедил сквозь очень ровные и белые зубы хрен. – За кражу платья, за оскорбление ветви гилена...